

Содержание

Введение	5
Глава 1. Как создавалась эта книга, или Размышления об ее теоретико-методологических основах	11
Глава 2. Историография проблемы и характеристика источниковой базы ее исследования.....	23
2.1. Отечественная историография проблемы.....	23
2.1.1. Советская историография: бег по синусоиде с цензурными барьерами.....	25
2.1.2. Иные времена — иные песни: отечественная историография проблемы (вторая половина 1980-х — по настоящее время).....	48
2.2. Характеристика источников базы исследования проблемы	53
Глава 3. Феномен политической работы в Красной Армии в период Гражданской войны во фронтовой стадии ее протекания	75
3.1. Почему стала необходимой политическая работа в РККА	76
3.2. Система политической работы в Красной армии.....	104
Глава 4. Основные направления политической работы в войсках советского Восточного фронта.....	131
4.1. Условия и обстоятельства, детерминировавшие функционирование системы политической работы.....	131
4.2. Организационно-партийная работа	137
4.3. Политико-просветительная работа.....	149
4.4. Борьба за укрепление воинской дисциплины и правопорядка в войсках.....	190
4.4.1. Условия протекания борьбы за крепкую воинскую дисциплину и правопорядка в красных войсках	191
4.4.2. Как велась борьба за крепкую воинскую дисциплину и правопорядок в войсках.....	196
Заключение.....	203

Научно-справочные материалы.....	211
Военно-политические лидеры Советского государства и правившей в нем коммунистической партии	211
Ленин Владимир Ильич (1870–1924).....	211
Троцкий Лев Давидович (1879–1940).....	214
Сталин Иосиф Виссарионович (1878 или 1879–1953).....	216
Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926)	218
Свердлов Яков Михайлович (Моисеевич) (1885–1919).....	220
Краткие сведения о некоторых исторических персоналиях	221
Краткий словарь военных и военно-исторических терминов	230
Приложения.....	251
Приложение 1	251
Приложение 2	260
Приложение 3	263
Приложение 4	269
Список сокращений и аббревиатур.....	271
Сведения об авторе.....	276
Примечания.....	277

Введение

Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости. Гордиться славою своих предков не только можно, но и нужно.

A. С. Пушкин¹

Время — вещь неумолимо быстрая. Вот уже истекает первая четверть XXI века. И она показала: Отечество наше вновь, *в который уж раз в своей истории*, переживает трудные времена. Стоило только Отчизне, обильно кровью умытой в минувшем ХХ веке, начать подыматься с колен, как за ее рубежами многие политики, лившие елей на души так называемых либеральных реформаторов в лихие девяностые², сразу же показали звериный оскал. Чего только стоит, к примеру, грязная геополитическая игра, что развернулась после возрвращения Крыма в состав РФ. Крыма, вернувшегося, кстати, к нам в соответствии со свободным народным волеизлением, а не посредством мифической «российской аннексии». Разве это не цинизм? (мягко говоря).

Впрочем, что тут возмущаться. Совесть — это духовное богатство. Его-то, как раз, всегда не хватало на сытом Западе...

И не случайно Президент РФ В. В. Путин утвердил 25 декабря 2014 г. «Военную доктрину Российской Федерации»³. В ней четко зафиксировано: для нашей Державы существует военная опасность.

Более того, Специальная военная операция Вооруженных сил РФ на Украине, начатая 24 февраля 2022 г. по решению Президента Российской Федерации В. В. Путина⁴, наглядно и убедительно показала: военная опасность перешла для нашей Отчизны из сферы теоретизации и прогнозирования в плоскость реальной и очень серьезной военной угрозы. И выглядит закономерным, что Президент России В. В. Путин утвердил 19 ноября 2024 г. «Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания»⁵.

На данном историческом фоне проблемы дальнейшего укрепления Вооруженных сил РФ, всемерного повышения уровня их боеспособности находятся постоянно в поле зрения высших звеньев властных структур и органов военного управления нашего Отечества. Тому обязывают их требования документов, проведенных выше пот тексту, суть которых можно аккумулировать

в одной фразе: «Держать порох сухим!». Поэтому к военнослужащим предъявляются (в контексте вышеизложенного) повышенные требования к уровню их военно-профессионального мастерства и морально-психологической готовности к образцовому выполнению воинского долга по защите нашей Отчизны.

И здесь многое зависит от четкого функционирования системы *военно-политической работы в ВС РФ*, которая представляет собой сегодня комплекс согласованных и взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени мероприятий военно-политической пропаганды и агитации, психологических, культурно-досуговых и иных мероприятий, направленных на обеспечение высокого уровня морально-политического и психологического состояния личного состава, правопорядка и воинской дисциплины, формирование у военнослужащих морально-политических и психологических качеств, сплоченных воинских коллективов, обеспечивающих выполнение задач по предназначению в любых условиях⁶.

И для ее дальнейшего совершенствования необходимо учитывать уроки и выводы из исторического опыта, накопленного на различных этапах отечественной военной истории. Ведь человечество всегда обращалось к кладезю мудрости — историческому опыту. Особенно в трудные времена. Здесь представляется важным, к примеру, критическое осмысление и переосмысление одного уникального военно-исторического феномена, генезис и утверждение которого пришлось на период российской Гражданской войны [1917 (1918) — 1920 (1922)]⁷ — этой безумной братоубийственной бойни (особенно во фронтовой стадии ее протекания)⁸. Речь идет о **политической (партийно-политической) работе в РККА**.

Думается, что, аргументы, приведенные выше, служат доказательством такого тезиса: проблема, которая ниже раскрывается в монографии, **априори актуальна**.

Кроме того, исследуемая тема еще более актуализируется и в той связи, что в современной отечественной историографии, в условиях методологического плюрализма, появилась следующая насущная необходимость — преодолеть имеющую место неоднозначность, а иногда даже диаметральную противоположность, в аксиологических суждениях о роли и месте политической (партийно-политической) работы в Красной армии в стадии фронтовой Гражданской войны (1918–1920). Разработка проблемы данной монографии позволяет также ввести в научный оборот новые архивные документы и материалы, которые ранее являлись неизвестными или малоизвестными научному сообществу. Следовательно, открываются возможности для нового осмысливания и переосмысливания отдельных аспектов рассматриваемой проблемы.

Объект исследования — политическая (партийно-политическая) работа в качестве военно-исторического феномена, генезис и утверждение которого пришлось на период российской Гражданской войны.

Спрашивается, почему употребляется два термина — политическая работа и партийно-политическая работа?

Дело в том, что изначально появились термины «политическая работа», «политработа». В частности, они фигурируют в военной переписке В. И. Ленина⁹. Отдельно фигурировал также в документах того времени и термины «партийная работа»¹⁰, «политическо-просветительная работа»¹¹, «культурно-просветительная работа»¹². После окончания российской Гражданской войны утвердился термин «партийно-политическая работа». Небезынтересно, что в молодой советской историографии первой половины 1920-х годов предпринимались попытки вывода ее дефиниции. Так, Л. С. Дегтярев писал, что партийно-политическая работа в РККА в 1918–1920 гг. представляла собой «своеобразное сочетание внутрипартийной, политико-просветительной, административно-политической и организационно-политической работы»¹³. С точки зрения современного уровня накопления исторических знаний подобная дефиниция, в основном, охватывает сущность и содержание военно-исторического феномена «партийно-политическая работа».

В конечном итоге в советское время утвердилась дефиниция «партийно-политическая работа» — «идеологическая и организаторская деятельность военных советов, командиров, политорганов, партийных организаций СА и ВМФ; является составной частью руководства КПСС Вооруженными силами СССР. Рассматривалась в качестве теории и практики воспитания военнослужащих, организовывалась и проводилась как система мероприятий по реализации политики КПСС в СА и ВМФ. Представляла собой систему мероприятий, проводимых командирами, политорганами, партийными и комсомольскими организациями по коммунистическому воспитанию и политическому просвещению личного состава, удовлетворению духовных запросов и организации досуга военнослужащих, рабочих и служащих СА и ВМФ»¹⁴.

Ниже в монографии термины «политическая работа», «партийно-политическая работа» «политработка» употребляются на равных основаниях. Хотя, заметим, что некоторые различия (правда, несущественные) в них все-таки имеются.

Предмет исследования — основные направления, формы и методы политической (партийно-политической) работы в войсках советского Восточного фронта в 1918–1919 гг. Раскрывается, главным образом, на материалах Поволжья и Южного Урала. Сказанное не означает, что не анализируются материалы центральных советских властных структур и органов военного управления. При необходимости автор монографии оперирует материалами, имеющими отношение к другим советским фронтам, существовавшим в 1918–1920 годах.

Цель исследования — выявление результатов на основных направлениях политической (партийно-политической) работы в войсках советского Восточного фронта.

Хронологические рамки исследования охватывают период фронтовой Гражданской войны (1918–1920). Нижняя граница — 1918 год — создание РККА и ее Восточного фронта, появления и функционирование здесь военно-исторического феномена политической (партийно-политической) работы. Верхняя граница — 1919 год — период наиболее интенсивных боев, сражений, операций на Восточном фронте. Необходимость выявления концептуальных и институциональных основ функционирования военно-исторического феномена политической (партийно-политической) работы повлекла за собой включение в монографию материалов, которые выходят за очерченные хронологические рамки.

Когда я работал над книгой, то перед моим взором все время мысленно возникали образы моих учителей. И закончивших путь земного бытия, и ныне здравствующих. Именно они — блестящая профессура из славной плеяды офицеров Военно-политической академии имени В. И. Ленина — дали мне пропуск в цех служителей музы Клио:

- **ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ИЗМАЙЛОВ** (1925–2011)¹⁵;
- **ВЯЧЕСЛАВ ВИКТОРОВИЧ РЫБНИКОВ** (1945–2013);

Вечная память Вам, моим учителям, закончившим свой славный путь земного бытия!

- **РЕНАТ САЕТГАЛИЕВИЧ МУЛЮКОВ** (1944).

Низкий земной поклон Вам, моему учителю, ныне здравствующему. Многие лета!

Выражаю искреннюю благодарность рецензентам:

➤ **Полтораку Сергею Николаевичу** — доктору исторических наук, профессору, почетному работнику высшего профессионального образования РФ, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург), главному редактору журнала для ученых «Клио» (г. Санкт-Петербург), ветерану военной службы.

➤ **Гурову Владимиру Алексеевичу** — доктору исторических наук, доценту, ветерану боевых действий, профессору Академии военных наук Российской Федерации по отделению военной истории, Тольяттинский государственный университет.

Их ценные замечания, пожелания, высказанные в процессе рецензирования рукописи этой работы, учтены и реализованы в окончательном ее варианте.

Благодарен я и военным историкам:

➤ **Валерию Яковлевичу Ефремову** — доктору исторических наук, профессору, почетному профессору Военной академии материального обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева, ветерану военной службы (свободный исследователь);

➤ Воронову Виталию Николаевичу — доктору исторических наук, профессору, почетному работнику высшего профессионального образования РФ, ветерану военной службы, действительному члену (академику) Академии военных наук Российской Федерации по отделению военной истории.

Много полезного почерпнул для себя после того, как данные ученые составили личные, причем исключительно профессиональные заключения, предварительно ознакомившись с материалами рукописи моей книги.

Истекающая первая четверть XXI века показала, что плюрализм мнений стал реальностью современной отечественной исторической науки. Не могу, правда, не заметить, что сегодня отдельные авторы демонстрируют в своих трудах не плюрализм, а «плюмаразм» мнений. Ничего не поделаешь. Это обратная сторона конституционной свободы слова, кою некоторые путают со свободой от совести и ответственности.

Не исключено, что написанное в монографии может кого-то вывести из душевного равновесия, возмутить либо привести в неописуемый восторг. Не надо оваций, комплиментов или проклятий... Можно по-разному относиться к такому историческому деятелю, коим являлся У. Черчилль. Но он стал автором максимы, которую невозможно оспаривать: «Если устроить распирю между прошлым и настоящим, окажется, что мы лишились будущего»¹⁶.

В этом контексте замечу, что всегда придерживаюсь в личном научном творчестве и научно-педагогической деятельности государственно-патриотической позиции. Даже в начале лихих девяностых годов прошлого века, когда слово «патриотизм», мягко говоря, было не в особой чести (причем и у некоторой части «кремлевского бомонда»), я оставался верен ей. Личностная государственно-патриотическая позиция многократно усиlena тем, что я принадлежу к славному офицерскому корпусу России (чем очень горжусь).

Хочу также довести до читателя следующие постулаты, составляющие ядро личного авторского кредо, нашедшего отражение и в данном труде:

1. Применительно к прошлому время остановилось. История у нас одна. Какие бы эмоции она ни вызывала, — это наша история. Любому добропорядочному россиянину, вне зависимости от национальности и вероисповедания, она безгранично дорога.

2. История подобна песне, из нее нельзя выкинуть ни единого слова, ни единого факта, если следовать исторической правде.

3. Россия — наша страна, и мы ее частица. В конечном итоге, именно мы отвечаем за все, что произошло или может произойти.

4. Уроки прошлого — наши уроки и для нас.

5. Изучение истории не может дать плодотворных и положительных результатов, если она строится на предвзятости, полуправде, ложных посылках, мифах, легендах, а подлинные факты остаются как бы за кадром.

6. Для историка неприемлемы как и «очернительство» всего советского, кое было столь модным в начале 90-х г. ХХ в., так и апологетический восторг от традиционной сталинской историографии, догматических оценок, например, роли и места правившей в Советском государстве коммунистической партии и пр.

7. Нет ничего коварнее прописных истин, излагаемых в императивном ключе. Они часто бывают верными, но только до первого исторического ухаба. Как тут ни вспомнить глубочайшее философское обобщение великого И.-В. Гете: «Говорят, что посередине между двумя противоположными мнениями лежит истина. Никуим образом! Между ними лежит проблема»¹⁷.

Личностную государственно-патриотическую позицию я не путаю, однако, с апологетической и, тем более, с апокрифической позициями. «Жития святых» не пишу. Поэтому критический аспект в книге присутствует, причем в достаточном количестве. Но эта критика не является тождественной критиканству.

Я не претендую на полноту освещения рассматриваемой проблемы, а уж, тем более, на изречение истин в последней инстанции. В то же время, высказывается и личностный взгляд. Особенно в суждениях оценочного порядка. Буду искренне признателен, если получу конструктивные замечания и отзывы о своем произведении.

Я всегда старался придерживаться следующей максимы: критика — не шоколад, а горькое лекарство, и его полезно принимать, чтобы не подхватить звездную болезнь, которая лечится очень тяжело...

С глубоким почтением, автор.

Глава 1. Как создавалась эта книга, или Размышления об ее теоретико-методологических основах

Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствие; он должен быть, прежде всего, правдив, но может, даже должен, все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом.

Н. М. Карамзин¹⁸

Наукой истории давно доказана истина: накопление фактического материала само по себе ничего не прибавляет к пониманию прошлого без их объяснения. Еще в начале XIX в. крупный российский мыслитель П. Я. Чаадаев писал: сколько бы фактов ни накапливалось, они «никогда не приведут к полной достоверности, которую может дать нам лишь способ группировки, понимания и распределения»¹⁹. Такое «понимание и распределение» определяется теоретико-методологическими представлениями историка. Они и есть та «точка зрения», без которой, писал П. Б. Струве, разобраться в фактах нельзя²⁰.

В подобной ситуации остро встает вопрос о теоретико-методологических основах исторических исследований. Однако не станем в данной связи утомлять читателей большим объемом теоретических рассуждений. Их всегда можно перечерпнуть, например, из соответствующей современной исследовательской²¹, научно-справочной²² и учебной литературы²³. Заметим, лишь, что теоретико-методологические аспекты исторической науки — венчозеленое древо. Это та сфера, где исследователь априори обрекает себя на огонь критики. Причем по-ученому часто стреляют из стволов тяжелой артиллерии крупного калибра. А ответить на убийственный огонь порою трудно. Ведь теория и методология истории — такая область научных знаний, где нет до сих

пор устоявшихся дефиниций, четко обозначенных законов (подобно, например, философскому закону диалектического синтеза²⁴).

Кроме того, в российской исторической науке утвердилось сегодня в сфере методологии плюралистическое «многоголосие». Оно означает, в широком смысле, свободу выбора методологической ориентации; в узком смысле — взаимодействие различных познавательных средств на основе принципа дополнительности. Плюс к этому, следует помнить, что в спорах в сфере теории и методологии истории наблюдается парадокс, суть которого сводится к следующему: ученый, стремясь доказать личные теоретико-методологические построения, часто попадает под влияние магии формулы одного из парадоксов человеческого познания: «Каждый видит то, что хочет увидеть, каждый слышит то, что он хочет услышать»²⁵.

В подобной ситуации стало неписанным правилом: выбор подходов к познанию истории — неотчуждаемое право исследователя. Поэтому мною отобраны те основные методологические подходы, которые позволяют, наиболее полно раскрыть проблему партийно-политической работы в войсках советского Восточного фронта, ввергнутых в безумия братоубийственной бойни. Здесь своего рода путеводной звездой стало изречение В. О. Ключевского: «Научная проблема[ти]ка, что порядочная дама: чем скромнее и почтительнее подойдешь к ней, тем скорее она позволит понять себя»²⁶. При этом особенно подчеркну следующее обстоятельство: отбор подходов — это не произвольный акт. Я исходил здесь из следующих положений:

- приоритет рационализма в процессе исторического познания²⁷;
- осторожное, взвешенное отношение к постмодернистским концептуальным построениям в сфере теории, методологии исторической науки²⁸;
- признание закономерности и необходимости перехода от эмпирического уровня в познании исторического и историко-познавательного процесса к теоретическому уровню его понимания и объяснения²⁹.

Все подходы применялась комплексно, без приоритетов в пользу отдельных из них.

Диалектический и тесно связанный с ним диалектическо-материалистический подходы. В их рамках развитие познания, в том числе и научного, понимается как *объективный процесс, развивающийся в форме субъективной познавательной деятельности исследователей*³⁰. Применительно к моему исследованию использование диалектического и диалектико-материалистического подходов позволило составить четкие представления о том, в какой конкретно-исторической обстановке, на фоне столкновения каких противоречий социально-политической, экономической и духовной жизни российского социума, ввергнутого в революции и Гражданскую войну, решалась проблема организации политической работы в Красной армии. Той Красной армии, что стала армией нового типа, аналогов которой еще не знавала история

сообщества мировых цивилизаций. Посредством этих подходов прослежено развитие и разрешение противоречий, переход в качественно новое состояние событий и явлений, имеющих место в рассматриваемом процессе.

Системный подход. Он, судя по современному уровню накопления знаний в сфере теории и методологии исторической науки, прочно занял свою нишу среди подходов, практикуемых при выполнении научных исторических трудов³¹. Я, исходя из представления о системном характере объекта и предмета исследования, отказалась от односторонне аналитических, линейно-причинных методов исследования, *в-первых*, выстроил иерархию аспектов в освещении рассматриваемой проблемы; *в-вторых*, установил внутренние связи между ними; *в-третьих*, определил наиболее значимые из них. Политическая работа в РККА раскрывается как сложная система, которая входила, в свою очередь на правах подсистемы и в военное строительство молодого Советского государства, и в строительство его Вооруженных сил, но при этом она сохраняла относительную долю самостоятельности.

Плюс к сказанному выше, применяя системный подход к раскрытию объекта и предмета исследования монографии, ее автор сформулировал четкие представления о том, что по мере развития системы политической работы в РККА ее элементы, обладая относительной самостоятельностью, и в силу внутренних тенденций и под воздействием внешней среды, приобретали по ходу Гражданской войны новые черты, которые приходили иногда в противоречие с их системообразующими свойствами. Это отрицательно сказывалось на целостности системы, сбалансированности и устойчивости ее структуры, что приводило к сбоям в политической работе. Особенно в сфере укрепления воинской дисциплины и правопорядка в войсках.

Формационный подход. Я исходил в его применении в интересах анализа своей проблемы, из того, что он (в марксистской интерпретации) имеет, судя по уровню накопления исторических знаний, как положительные, так и отрицательные стороны³². В монографии формационный подход к познанию истории используется, в первую очередь, при определении роли Советского государства в решении возникающих проблем в сфере партийно-политической работы в РККА.

Цивилизационный подход. Я также исходил в его применении в интересах анализа своей проблемы, из того, что он имеет ряд плюсов и минусов³³. Применение же цивилизационного подхода в моем конкретном случае выразилось, прежде всего, в том, что при анализе исторических событий и фактов, имеющих отношение к проблеме политической работы в РККА в 1918–1919 гг., обеспечивалось их целостное восприятие. Причем в эпизентре анализа ее различных аспектов ставится человек-воин как конкретный первичный субъект-носитель процессов, возникающих в сфере партийно-политической работы в Красной армии. Это и является практическим

проявлением требований цивилизационного подхода к исследованию истории — изучение прошлого в человеческих измерениях.

Компаративистский подход. Заметим, что возможность и необходимость применения компаративистского подхода обусловлены характером объекта познания — исторической действительностью как единством общего, повторяющегося и индивидуального, неповторимого в любых явлениях и процессах. При помощи данного подхода выявлены различные факторы, определяющие процесс, указанный выше. Компаративистский подход позволяет также установить место и роль разнообразных явлений социально-политической жизни в лагере красных в те страшные годы, когда русские убивали русских.

В монографии нашло отражение **соединение проблемного и хронологического подходов**. Но при этом проблемный подход является ведущим, потому что он выглядит наиболее оптимальным, так как позволяет относительно полно во времени и пространстве охватить многоаспектность конкретно-исторической обстановки, в которой протекала политическая работа в РККА в хронологических рамках, означенных выше. Учтено, вместе с тем, что без реконструкции событий в их временной последовательности нельзя понять глубину содержания теории и практики партийно-политической работы в Красной армии, ввергнутой в кровавое междуусобие³⁴.

При написании монографии использовался, причем не очень часто, с особенной осторожностью, **классовый подход к оценке событий и явлений**. Спрашивается, почему не очень часто, с особенной осторожностью? Классовый подход к оценке событий и явлений, как известно, — родовой признак марксистско-ленинской методологии исторических исследований. Он предполагает изучение исторических событий и процессов с позиции определенного класса (пролетариата). Обозначу здесь личностную позицию: ясно, что сегодня этот подход, безусловно, потерял свою прошлую значимость. Но безнадежно не устарел, как считают многие представители так называемой либеральной исторической школы (с В. О. Ключевским прошу не путать!). Это они в лихие девяностые просто стали дружно его игнорировать, видимо, посчитав тогда, что демонстрация приверженности к классовому подходу к оценке событий и явлений не позволяет историку быть объективным. Между тем, классовый подход к оценке событий и явлений по-прежнему занимает свою нишу в методологическом арсенале ученых-историков (разумеется, видоизменяя свои формы), ибо *история, как наука, не может развиваться абстрактно вне исторического пространства и времени*. Она находится в органическом единстве с социально-политической ситуацией, имеющей место в стране в тот или иной период ее истории.

И неправильно полагать, что можно достичь истины, если встать на путь искусственной изоляции исторических исследований от современной

социально-политической борьбы. Но вот использовать классовый подход к оценке событий и явлений следует не только творчески, но и осторожно. Иначе возникнет реальная возможность печального повторения пройденного — тиски догматизма (впрочем, последнее суждение применимо к любому из методологических подходов исторической науки, если их возвести в абсолют и не применять комплексно)³⁵.

В методологическую основу данного труда вошли, кроме методологических подходов, и ряд **основных методологических принципов**³⁶: *объективность в изучении явлений, процессов, связей и отношений; историзм; здравый смысл; корректность и деликатность в оценке фактов; партийность.*

Принцип объективности в изучении явлений, процессов, связей и отношений. Он самый трудный, ибо субъективное восприятие реальности и ирреальности — вот подарок и одновременно наказание, данное нам Все-вышним. Не стоит доказывать доказанное: абсолютно беспристрастных историков не бывает. Разве только на кладбище. Однако это не снимает ответственности с тех, кто служит музею Клио. Поэтому максимально приблизиться к объективности, в изучении явлений, процессов, связей и отношений наступив на горло собственным пристрастиям, симпатиям, антипатиям — дело совести, чести и профессионализма ученых.

Заметим, что принцип объективности в изучении явлений, процессов, связей и отношений — первый, отправной элемент диалектики. С данной точки зрения можно утверждать, что объективность является для всякого здравомыслящего человека аксиомой и первой установкой познания. *Sine ira studio* (без гнева и пристрастия — лат.) — так призывал писать историю древнеримский историк Тацит. Но он сам и нарушил прекрасный принцип. Исследователь может принять любую точку зрения, но присваивать ее, например, объекту изучения, вряд ли оправданно. Как бы предвидя такой оборот, еще великий Гегель отмечал недопустимость и «важность выявления того, что содержится в скрытом виде». Но предостерегал: «не искать в древних философских учениях более того, что мы вправе там находить»; «не приписывать выводов и утверждений, которых они (философы древности. — Г. И.) сами не делали»³⁷ В то же время, никто не имеет права запретить художнику сказать: я это вижу именно так и никак иначе! Но общество вправе спросить с художника:

1. Почему именно так, а никак иначе?
2. Доказана ли его позиция?
3. Нет ли в ней чего-нибудь от лукавого?

И если упомянутый выше постулат древних римлян *Sine ira studio*, — по большому счету, все-таки утопия, то другой их принцип — *Salvo honore* (без вреда для чести — лат.) — вполне приемлем для современных исследователей. При этом следует отдельно заметить, что, в целом, принцип объективности не может заблокировать индивидуальность исследователя, его личностное

начало, к примеру, в оценке историографических и исторических источников³⁸. Мне же опора на принцип объективности в изучении явлений, процессов, связей и отношений позволила рассмотреть историографические и исторические источники, имеющее отношение к проблеме партийно-политической работы в РККА на Восточном фронте (1918–1919) по следующему алгоритму:

в-первых, во всем многообразии, без каких-либо заранее заданных оценочных суждений и конъюнктурных соображений;

во-вторых, с исключением авторских претензий на исчерпывающую полноту анализа и на оценку полученных результатов как абсолютную истину;

в-третьих, со стремлением к беспристрастности в изложении исторических фактов, опираясь на первозданность информации из источников, не сенсационных, а вызывающих научное доверие;

в-четвертых, с обеспечением уважительного отношения к предшественникам, что отнюдь не сводится исключительно к комплементарным оценкам их наработок³⁹;

в-пятых, осторожность в таком оценочном суждении, как «тенденциозность», по отношению к исследуемым историографическим источникам⁴⁰.

Принцип историзма. Базируясь на нем, я анализировал каждый исследуемый факт по рассматриваемой в монографии проблеме в его развитии, взаимосвязи, взаимообусловленности, единстве прошлого настоящего и будущего⁴¹. Все источники и литература, имеющие отношение к исследуемой монографии проблеме, проанализированы как с точки зрения накопления и систематизации, так и с точки зрения их оценки и интеграции. Принцип историзма позволил изучать развитие исторических знаний по рассматриваемой проблеме, как в хронологическом плане, так и в диалектическом единстве.

Принципа здравого смысла. При его использовании⁴² я исходил из такой посылки: реальная история противоречивее и индивидуальнее в своем многообразии и единстве в отличие от общепринятых теоретических и методологических схем, принципов и подходов. Поэтому не следует их догматизировать.

Принцип корректности и деликатности в оценке фактов. В нем нашла отражение установка морально-этического плана — не использовать, к примеру, добывших сенсационных сведений без тщательной их проверки, смакования интимных подробностей из жизни исторических персонажей, которые стали достоянием ученого и т. д.

Принцип партийности. Подобно принципу классового подхода к оценке событий и явлений, он являлся ведущим в марксистско-ленинской методологии исторических исследований. Однако его применение в исторических исследованиях, проводимых в системе координат современных научно-исследовательских парадигм, требует осторожности и ограничения. Поэтому

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru